

Чистиков А.Н. Ленинградцы о блокаде: записи 1943–1948 гг.

Чистиков А.Н. – участник «круглого стола» «От снятия блокады Ленинграда к Прибалтийской операции и разгрому нацистских войск в Прибалтике» (26 февраля 2014 года, г. Рига, Латвийская Республика).

В последние десятилетия в связи с возросшим интересом к событиям ленинградской блокады 1941–1944 гг. появилось немало документальных публикаций, в том числе и материалов личного происхождения: дневников, воспоминаний, интервью. Вместе с тем исследователи еще сравнительно редко обращаются к такому интересному источнику как стенограммы рассказов ленинградцев о блокаде, записанных в годы войны и сразу после нее.

Работа над ними началась летом 1942 г., когда сотрудники Ленинградского института истории ВКП(б), занимавшиеся по решению обкома партии подготовкой «Хроники обороны Ленинграда» и сборника документов³¹⁹, застенографировали рассказы некоторых руководящих работников города и воинов Красной Армии³²⁰. Активная деятельность по сбору материалов возобновилась год спустя. Отправной точкой стало совместное постановление бюро обкома и горкома ВКП(б) от 3 апреля 1943 г. «О собирании материалов и составлении хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков»³²¹. Основная часть рассказов была записана в 1943–1944 гг., а вся работа

319 Уже 2 апреля 1942 г. Ленинградский институт истории ВКП(б) обратился в Василеостровский райком партии с предложением давать материалы о работе райкома (См.: Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб.). Ф. 4000. Оп. 1. Д. 129. Л. 9).

320 Лебедева Н.Б. Сотрудники Ленинградского института истории партии и партархива в годы войны // Женщина и война. О роли женщин в обороне Ленинграда. 1941–1944 гг.: Сб. статей. СПб., 2006. С. 257.

321 ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 2. Д. 4714. Л. 3.

продолжалась до конца 1948 г. Впоследствии стенограммы вошли в фонд 4000 Ленинградского партийного архива (ныне это Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга)³²². Всего их более 600, в том числе примерно 370 составляют записи воспоминаний гражданских лиц – жителей военного Ленинграда.

Респондентами выступали в подавляющем большинстве руководители среднего звена (директора предприятий и учреждений, начальники крупных цехов, ответственные работники городских и районных партийных и советских органов, секретари крупных партийных организаций), а также инженерно-технические работники, деятели науки, культуры и искусства, врачи, учителя, работники МПВО... В плане работы сотрудников института истории партии на июнь-сентябрь 1945 г. стояло стенографирование рассказов председателя Ленинградского горисполкома П.С. Попкова и председателя Ленинградского облисполкома Н.В. Соловьёва³²³, однако в описи архивных материалов эти стенограммы не числятся. Были ли они вообще, а если были, то где находятся сейчас – неизвестно. Воспоминания рядовых ленинградцев фиксировались редко и обычно в тех случаях, когда шел коллективный разговор о деятельности конкретного предприятия или цеха, учреждения, эвакуационного пункта, домохозяйства и т.п. Несмотря на некоторые ограничения в выборе рассказчиков по социальному положению повседневная жизнь города и горожан в сообщениях представлена достаточно полно и разнообразно.

Разнообразие в данном случае достигалось и за счет вопросов, разработанных сотрудниками института истории партии для определенных категорий респондентов: для директора завода, секретаря райкома партии, председателя райисполкома, работника райкома комсомола, милиционера, политорга-

322 В 1960-е гг. около 150 дублетов стенограмм были переданы в Ленинградское отделение института истории СССР АН СССР – нынешний Санкт-Петербургский институт истории РАН. В настоящее время они составляют часть фонда 332 Научно-исторического архива СПбИИ РАН.

323 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 276. Л. 1–7.

низатора и работника домохозяйства и т.д.³²⁴. Отложившиеся в архивном деле перечни вопросов не датированы, но, исходя из содержания, их можно отнести к 1944–1945 гг. Без сомнения, аналогичные вопросники были и годом раньше, так как в стенограммах 1943 г. явственно звучат ответы на подобные вопросы.

При анализе перечней выделяются несколько общих тем. Это, в частности, мобилизация ленинградцев на фронт, переход предприятия, учреждения на военный режим, участие организации (района) в формировании народного ополчения, в эвакуации населения в 1941–1942 гг., голодная и холодная зима 1941–1942 гг. и т.д. Каждый рассказчик, как указывалось в инструктивных материалах, должен был рассматривать все вопросы с позиции собственного профессионального опыта.

По этой причине уточняющие вопросы в рамках одной и той же общей для всех респондентов темы различались, и иногда значительно. Например, директор завода о событиях зимы 1941–1942 гг. должен был по возможности ответить на следующие вопросы: «Что производил завод, в каких масштабах, на каком... оборудовании, площадях и с каким количеством рабочих. Как обеспечено было производство сырьем, металлами, топливом, энергией... Свет и температура. Снабжение, питание рабочих. Дополнительное питание рабочих и руководящих кадров, за счет городских фондов... и местных ресурсов... Заболевания, истощение и смертность среди коллектива завода... Кто погиб на предприятии из наиболее ценных работников... Участие завода в захоронении трупов по заводу и в районном масштабе»³²⁵.

От политорганизаторов и работников домохозяйств требовалось «рассказать, какая обстановка была в доме, в отдельных квартирах зимой 1941–42 года, на дворах... как боролось

324 Там же. Д. 194. Примечательно, что для стенографирования секретаря Псковского обкома ВКП(б) Л.М. Антюфеева был подготовлен специальный вопросник, однако ответов на него в архивном фонде нет, так же как и в случае с П.С. Попковым и Н.В. Соловьёвым.

325 Там же. Ф. 4000. Оп. 1. Д. 194. Л. 4 об. – 5.

население за свою жизнь – продажа домашних и личных вещей, одежды, обуви, мебели и т.п. Что на что тогда обменивалось. К каким иногда преступным приемам прибегали люди, чтобы поддержать свое существование. Как тяжелым положением многих пользовались иногда немногие уголовные преступные элементы... Привести побольше конкретных характерных примеров гибели целых семей или нескольких человек в отдельных семьях от голода, истощения. Рассказать о хищении продовольственных карточек у умерших, их личных вещей и т.п. Рассказать о судьбе детей, родители и старшие члены семьи которых умирали – как была организована помощь им и передача их в детские комнаты, приемники-распределители, детские дома и сады и т.п.»³²⁶.

Часть этих вопросов, но под другим углом зрения, задавалась милиционерам: о типичных уголовных преступлениях зимой 1941–1942 гг., о краже продуктов, о способах хищения продовольственных карточек, о трупоедстве и людоедстве, о натуральном обмене. По поводу последнего в вопроснике содержалось даже целое указание: «Надо, чтобы они (милиционеры. – А.Ч.) подробно рассказали, где тогда происходила эта мена вещей на продукты, как широко она была распространена, по какой цене – в деньгах и вещах – шел хлеб и другие продукты. Если у работников милиции сохранились какие-либо записки, акты, рапорты, донесения, отчеты, сводки и тому подобный материал, то его надо собрать для истории, чтобы показать, как стал особенно дорог хлеб и другие продукты, потому что тогда хлеб был самой жизнью»³²⁷. Отдельным пунктом формулировался вопрос о работе самих милиционеров в «смертное время»: об их снабжении, «проявлении подлинного героизма», о трудностях их работы и потерях в их рядах.

Целый комплекс вопросов об этом периоде блокады адресовался районным советским руководителям: «Как нарастали затруднения с продовольствием. Какие меры принимал район

326 Там же. Л. 25 – 25 об.

327 Там же. Л. 32 – 32 об.

по линии увеличения продовольственных ресурсов... Какие фонды продовольственных ресурсов и их суррогатов были созданы, и кто ими распоряжался, кому и в каком количестве выдавались продукты. Как поддерживался районный актив». Еще два блока вопросов касались смертности населения в районе и мероприятий по бытовому обслуживанию жителей зимой 1941–1942 гг.³²⁸. Секретарей ленинградских райкомов партии просили рассказать о работе их учреждений и парторганизаций по преодолению трудностей зимы 1941–1942 гг., о мероприятиях по сохранению кадров в это время, о санитарной и бытовой помощи трудящимся района³²⁹.

При достаточно полных ответах на эти вопросы могла получиться объемная и довольно объективная картина почти всех сторон жизни и деятельности ленинградцев зимой 1941–1942 гг.

Примечательно, но почти во всех перечнях вопросов отсутствуют имена партийных и советских руководителей центральной и местной власти. Исключение составляет вопросник для директоров предприятий, в котором спрашивается о реакции заводского коллектива на «выступление т. Сталина по радио 3 июля 1941 года» и на «обращение тт. Ворошилова, Жданова и Попкова»³³⁰.

Если проанализировать общую тональность всех вопросов для всех респондентов, то она скорее положительная, чем отрицательная. Образно говоря, это вопросы победителей. Но победителей знающих – какой ценой достается или уже досталась победа.

Авторы вопросников полагали, что будущая стенограмма «должна быть» своего рода предисловием или введением к из-

328 Там же. Л. 30 об. – 31.

329 Там же. Л. 43 об. – 44.

330 Там же. Л. 3 – 3 об. В другом варианте вопросника для директора к этим вопросам добавляются просьбы рассказать о том, «какую сталинскую заботу проявляли в эти жестокие дни (зиму 1941–1942 гг. – А.Ч.) высшие и районные руководители о вас как представителе руководящих кадров», и описать социалистическое соревнование по этапам, в том числе в ответ на приказы И.В. Сталина за № 130 и 195 (Там же. Л. 7–8).

учению и пониманию оставшегося от эпохи войны архивного материала»³³¹. И важно, что именно руководитель дополняет и поясняет своим рассказом те решения, постановления, отчеты и прочие материалы, которые также характеризуют его деятельность и работу его подчиненных. Респондентам не запрещалось использовать при ответе на вопросы разные делопроизводственные документы. Наоборот, это даже поощрялось, так как повышало надежность рассказа. Главное, чтобы стенограмма не превращалась в их повторение или пересказ. Обращаясь к комсомольским руководителям, авторы вопроса призвали их «сохранить для историка детали, подробности, характерные, но типичные для эпохи войны мелочи жизни и быта, которые составляли трудности ее. Рассказать правдиво, так, как все было и происходило»³³².

Предварительное изучение нескольких десятков стенограмм позволяет, с известной долей осторожности, утверждать, что в основном рассказчики говорили правду. Отвечали они, к сожалению, не на все вопросы и с разной степенью полноты, но такое право им предоставлялось. Свое повествование респонденты, как правило, перемежали положительными и отрицательными примерами. «Зиму 1941–1942 г. банк работал в помещении, где гулял ветер, где двери были почти настежь. В помещение заносился снег. Люди приходили на работу, совершали операции, связанные с работой фронта и тыла, выдавали деньги на зарплату и производили расчеты.

Примерно в конце января 1942 года в банк хлынул большой поток людей за получением денег по страховым премиям за умерших. Каждый день приходило от 30 до 50 человек. Приходили до того ослабевшие люди, что были случаи – тут же в банке, придя получать страховую премию за своих близких, умирали сами», – вспоминал в июне 1945 г. управляющий Кировским отделением Госбанка А.С. Саванин³³³.

331 Там же. Л. 46 об.

332 Там же. Л. 15.

333 Саванин А.С. Ленинградская городская контора Госбанка в годы войны // «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда.

В этих сообщениях акцент часто смещался в сторону позитивного, что частично объясняется формулировкой вопросов, частично – вполне понятным стремлением побольше рассказать о проделанной работе. А.Я. Тихонов, ставший в ноябре 1941 г. председателем исполкома Выборгского райсовета, вспоминал в апреле 1945 г. о заготовке топлива накануне первой блокадной зимы: «Где только ни была древесина (бесхозные склады и т.д.), все это прибиралось к рукам, все имеющиеся в районе резервы взяли на учет и затем это топливо давали для наших коммунальных предприятий – бань, детских учреждений и школ. Немножко очень дали жилищной системе, но только туда, где было центральное отопление, где имелись котельные. Населению же ничего в том году не дали. Поэтому-то потом зимой началось сражение населения за сломкой деревянных заборов и т.д.»³³⁴

Ответы некоторых респондентов передавали не только факты, но и психологическое состояние рассказчика. Вот что вспоминал в июле 1944 г. о зиме 1942 г. главный энергетик 7-й государственной электростанции А.И. Чистяков: «В январе 1942 г. станции отпускалось дополнительное питание, но очень незначительное. В это тяжелое время поручили распределять это дополнительное питание мне. Жуткие картины были. Стоят перед тобой умирающие люди, смерть в их глазах видна, стоят они перед тобой, просят дать дополнительный обед. А какой был этот дополнительный обед! Он заключался в ложке каши в 25 гр. и куске рыбы или мяса. Обеспечить таким дополнительным питанием я мог только всего процентов двадцать работников станции, а остальные жили на одной тарелке супа из хряпы.

Пришлось мне в эти часы забывать человеческие чувства и исходить исключительно из производственных соображений, из того, насколько человек ценен, считаться с тем, насколько

СПб., 2009. С. 225

³³⁴ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН). Ф. 332. Оп. 1. Д. 123. Л. 10 об. Сохранен стиль автора.

еще протянет тот или иной человек (...) Я привык уже различать это по глазам людей, я видел, что передо мной стоит уже мертвец, я ему отказывал в питании. И так я хорошо научился это разбирать, что почти не ошибался»³³⁵. С его рассказом перекликаются строки из дневника экономиста И.Д. Зеленской за 4 января 1942 г., занимавшейся организацией питания рабочих на той же ГЭС до 6 января 1942 г.: «Эти голодные, костлявые лица, в которых только одна мысль: есть! и они проходят у меня перед глазами в столовой, и я принуждена отталкивать эти человеческие остовы от пищи, отказывать им, выгонять их! Трудно придумать что-нибудь более жуткое, но они способны, съев два-три обеда, неотступно стоять под дверью буфета, как прилипшие к стенке, пока остается хоть капля съестного»³³⁶.

На откровенное искажение фактов решались немногие. Например, председатель исполкома Володарского райсовета П.Х. Мурашко бездоказательно утверждал, что от бомб и обстрелов «жертв было немного». Весьма сомнительно его же заявление о том, что «смертности в детских учреждениях не было»³³⁷. Организатор культурно-пропагандистской работы на заводе им. Молотова И.В. Турков уверял, что зимой 1941–1942 гг. «все были равны, у всех был одинаковый паек, все жили на одинаковой карточке»³³⁸. Это явно не соответствует истине хотя бы потому, что официально существовало несколько видов карточек, на которые выдавалось неодинаковое количество продовольствия.

Более распространенной была тактика использования осторожных или расплывчатых формулировок. В качестве примера можно привести результат редактирования собственного текста председателем Ленинградского городского суда К.П. Булдаковым. Первоначальная фраза: «Я получал

335 Там же. Д. 138. Л. 5 – 5 об.

336 Зеленская И.Д. Дневник. 7 июля 1941 г. – 6 мая 1943 г. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 63 – 64.

337 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1204. Л. 5 об., 6.

338 Архив СПбИИ РАН. Ф. 332. Оп. 1. Д. 128. Л. 11.

тогда 600 гр[аммов] хлеба, получал спецпайк, поэтому у меня были силы...» превратилась в следующую: «Я получал тогда спецпайк, хоть и очень незначительный, но это сохранило мне силы...»³³⁹. Судя по контексту, речь идет о зиме 1941–1942 гг. Напомним, что с 25 декабря 1941 г. по 23 января 1942 г. хлебная норма для основной массы ленинградцев составляла от 200 до 350 граммов, а с 24 января она увеличилась на 50 граммов, достигнув 250–400 граммов соответственно. Теперь становится ясным, почему судья предпочел заменить упоминание о 600 граммах хлеба на фразу об «очень незначительном» специальном пайке.

Еще одним способом самоконтроля стало уже не редактирование, а исключение из текста стенограммы некоторых фактов при ее правке. Начальник Ленинградского торгового порта Б.Л. Бернштейн, вспоминая о созданной им в порту рыболовецкой бригаде, рассказал, что «частично эта свежая рыба шла в город, в частности, шла в РК партии»³⁴⁰. Из правленной стенограммы упоминание о райкоме партии исчезло. В.А. Мануйлов, начальник энергоцеха завода № 189, посчитал ненужным включить в окончательный текст следующий эпизод: «Как я уже говорил, карточки на январь месяц были выданы только 3 января 1942 года. Такая задержка карточек очень отразилась на жизни людей. 27-го декабря люди поели все и до 3-го числа сидели голодные. Смертность за эти дни сильно увеличилась»³⁴¹.

Примеры можно продолжать, но все же – повторимся еще раз – в подавляющем большинстве изученных нами стенограмм респонденты достаточно правдиво и честно рассказывали о своей жизни и работе в блокированном и военном Ленинграде. Пережив ужасы «смертного времени», они не могли говорить заведомую ложь, тем более в присутствии себе-

339 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 815. Л. 8.

340 Бернштейн Б.Л. Ленинградский торговый порт в 1941–1942 гг. // «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2009. С. 205.

341 ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 747. Л. 9.

седника, который прошел тот же путь. Вместе с тем некоторые рассказчики не избежали влияния самоцензуры: либо при повествовании, либо при последующем редактировании текста.

В результате нескольких лет работы сотрудники Ленинградского института истории ВКП(б) сумели создать целый пласт новых источников, достаточно объективно зафиксировавших жизнь горожан во время блокады. Правда, спустя недолгое время доступ исследователей к этим документам оказался чрезвычайно затрудненным, а те немногие публикации, которые все-таки увидели свет, печатались с купюрами³⁴², в результате чего картина блокированного Ленинграда представляла перед читателями искаженной. В последние годы интерес историков к стенограммам вырос³⁴³, однако их комплексное изучение как исторического источника еще впереди.

342 См., например: Оборона Ленинграда. 1941–1944. Воспоминания и дневники участников. Л.: Наука, 1968.

343 Несколько стенограмм без купюр были опубликованы в последние годы. См.: Бернштейн Б.Л. Ленинградский торговый порт в 1941–1942 гг. // «Доживем ли мы до тишины?»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб., 2009. С. 191–216; Саванин А.С. Ленинградская городская контора Госбанка в годы войны // Там же. С. 217–230; Сеничев П.И. Ленинградский судостроительный завод им. А.А. Жданова в 1941–1943 гг. // «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 157–173; Пименов В.М. Военный отдел Володарского райкома ВКП(б) в годы войны // Там же. С. 174–198. Из недавних работ, в которых стенограммы использовались в качестве исторического источника, можно упомянуть: Ковальчук В.М., Рупасов А.И., Чистиков А.Н. Ленинградцы в годы Великой Отечественной войны: адаптационные практики // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М.: РОССПЭН, 2010. С. 380–387, 390–401; Яров С.В. Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб.: Нестор-История, 2011 (2-е изд., испр. и доп. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012); Яров С.В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М.: Молодая гвардия, 2013; Романов А.С. Пропаганда в блокадном Ленинграде: основные направления, формы и методы. Дисс. на соискание уч. степени канд. истор. наук. СПб., 2013, и др.